

Свечи огонек негасимый

Борис Константинович Зайцев жил долго, успел отпраздновать девятилетие. Недавно исполнилось двадцать пять лет со дня его кончины. Даже не верится, что он, один из представителей «серебряного века» русской литературы, жил в наши дни, возможно, радовался и печалился по тому же, что и мы.

Написал он много, пробовал себя в разных жанрах - рассказ, повесть, роман, пьеса, художественная биография, публицистика, очерк, мемуары, критика, переводы. Ему удавалось все. И везде проявлялась его отличительная черта - лиризм. Ее замечали все - и поклонники таланта Зайцева, и его критики. Так, исследователь литературы Д.Мирский писал: «Его рассказы и романы из русской жизни сотканы исключительно из атмосферы. Лирический мед его рассказов (они слабее и мягче бунинских) сладок до тошноты». Кому как. Многих читателей привлекали именно этот «лирический мед», музыкальность, интимность, негромкость зайцевской прозы. Пафосность, призывные или обличающие мотивы ему были не свойственны. Он предпочитал «камерную музыку в литературе».

Поначалу его судьба складывалась причудливо. Молодым, начинающим писателем он ездил в Мелихово к Чехову, был у него в Москве и в Ялте, посылал ему рукописи. Сохранился черновик ответа Антона Павловича на рассказ Зайцева «Неинтересная история»: «Хорошо, сухо, длинно, не молодое, хотя талантливо. Чехов». В этой фразе выделю два слова: «талантливо» и «не молодое». Если с первым словом все более или менее ясно, то второе может вызвать недоумение. Однако и в мемуарах Андрея Белого, запечатлевшего облик молодого Зайцева, также подчеркивается контраст между жизнерадостностью и серьезностью, рассудительностью: «...Совсем молодой еще, вчера студент, он казался маститым и веским, отмахиваясь от всего щекотливого: точно старик...».

Может показаться: уже в те молодые годы он предчувствовал, что ему предстоит стать своего рода связующим звеном между уходящей классической литературой девятнадцатого века и новой литературой века двадцатого. Исследователи его творчества полагают, что своими произведениями

Бор. Зайцев

ми он не прокладывал новые тропы, не открывал новые миры, но именно в его произведениях ярко проявилась тема преемственности русской литературы XX века, обращение к ее истокам и традициям. Борис Константинович пошел по историко-литературной тропе русской прозы, с ее психологически-нравственным, житейно-морализаторским и биографически-личностным началом.

«Талант не дает покоя и не может его дать. Талант есть некое беспокойство. Или это не талант, а любительские способности, т.е. не роковое, а случайное, или же, если правда талант, тогда все другое затмит. В деле художническом нет половинки. Все или ничего. Чтобы что-нибудь из литературы вышло, надо отдать ей жизнь». Это слова Зайцева из его литературной биографии «Чехов». Думаю, они относятся не только к Антону Павловичу, но и к самому Борису Константиновичу. Творчество Чехова оказало на Зайцева большое влияние, которое продолжалось всю жизнь. Его привлекали вечные темы: жизнь, смерть, любовь, но в отличие от многих Зайцеву ближе был религиозно-этический аспект. Его героями чаще всего становились люди пассивные, созерцательные, страдающие, примирительно воспринимающие бытие. Его любимые персонажи обладают идеальной нравственной чистотой, причем врожденной, а не показной, благоприобретенной.

Это, кстати, идет от черт самого писателя. А.Белый так отзывался о Зайцеве: «...Образец до-

броты, простоты, честности, скромности, благородства. Иногда кажется мне, это просто «святой человек», иконописный лик его вполне выражает душевную сущность».

Непротиворечивость, гармоническое единство его писательского и человеческого облика отмечали многие. В связи с его кончиной Н.Струве писал: «Он был примером честности и правдивости: за всю свою полувековую эмигрантскую жизнь Борис Константинович никогда ни на какие общественные компромиссы не пошел. Но при всей твердости убеждений он был бесстрастен и не запятнал себя никакими, столь характерными для эмиграции, ненужными выпадами или партийными ссорами. Бесстрастие было в его характере, но коренилось оно глубже, в его постоянной устремленности к духовным ценностям».

Печально, что его книги шли на родину долго. Его творчество для многих еще остается неоткрытым. И замечательно, что издательство «Панорама» в популярной серии «Русская литература. XX век» выпустило том **Б.Зайцева «Странное путешествие»**. В книгу вошли два романа - «Дальний край» и «Золотой узор» и две повести - «Голубая звезда» и «Странное путешествие». Все вместе они образуют как бы единое повествование, с одним общим героем - русской интеллигенцией, представленной писателями, художниками, врачами, инженерами, актерами, журналистами, студентами, курсистками. Им выпало жить в эпоху революций, всеобщего оживления, общественного опьянения. Им приходится терять близких друзей, оставаться вдвоем, осознавать, что единственной ценностью в такой стремительной и хрупкой жизни остается их любовь.

В «Голубой звезде» рассказана история любви мечтателя Христофорова и девушки тургеневского типа. Читатель без труда узнает в этом странном герое много черт князя Мышкина, перенесенного в другое время и в другую атмосферу - московскую богему.

За богему, кстати, Зайцеву попадало. Критика довольно недоброжелательно встретила его роман «Дальний край». Р.Иванов-Разумник писал: «Его герои - вовсе не «русская интеллигенция», но лишь московская богема, они действуют на фоне русской рево-

люции, и этот фон окончательно губит их». Вот названия других рецензий: «Засахаренная революция», «В мире призраков»...

Чем же заслужили герои Зайцева такую немилость? Видимо, именно своей странностью. События 1905 года они встретили со свойственной молодежи влюбленностью в новое, неведомое. Хотели сделать что-то большее и важное, но сами не знали что. Их светлые, но абстрактные идеалы рушились при столкновении с «прозой» революции - кровью, смертью, насилием, выдвигением на первые роли худших.

1905-й, 1914-й, 1917-й, 1918-й, 1922-й - веки, по которым проходят герои Зайцева. У них, если следовать автору, два пути. Попытайтесь остаться на своей земле, что по сути означает погибнуть («Странное путешествие»). Или же уехать на чужбину, сохранить себя и свою культуру, сохранить Россию в душе («Золотой узор»).

Любимые герои Зайцева - женщины, взбалмошные, наполненные неумной энергией, непосредственные, отзывчивые на чужую боль, увлекающиеся, страстные, а в трудные минуты - непреклонные, способные на жертву. Это Лизавета из «Дальнего края», и Наталья из «Золотого узора». В них отразились черты жены Бориса Константиновича - Веры Алексеевны, с которой писатель прожил в любви и согласии шестьдесят три года.

В произведениях, собранных в эти книги, есть и еще один герой - Москва, любимый город писателя. С необыкновенной любовью он описывает Пречистенку, Остоженку, Спиридоновку, Тверскую, Поварскую, Арбат, Земляной вал... Понимаешь, как трудно ему было на чужбине, сколь велика в нем тоска по Родине, которую он изливал, описывая дорожки ему места.

Почитатели таланта Бориса Зайцева знают его любимые символы. Это Вега, голубая звезда. Это цветущая молодая яблоня, радостно колышущаяся под веселым ветерком. Это огонек свечи, негаснущей во тьме ночи. Для тех, кто откроет для себя книги Зайцева, его произведения запомнятся приветливостью к людям, пониманием их тонких, иногда застенчивых болей, удивительным пониманием природы и жизни, которая сама по себе - красота и тайна.

АЛЕКСАНДР ЕГОРУНИН.